

УДК 165.12

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ НАУКИ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 января 2010 г.

Аннотация: в статье общие вопросы структуры научного познания рассматриваются сквозь призму критического исследования проблемы соотношения предмета и объекта науки. Автор предлагает отказаться от релятивистского подхода к предмету как знаковой копии объекта, полагая данную точку зрения несовместимой с исходными принципами гносеологии. В качестве альтернативы предлагается онтологическая концепция предмета науки как реально существующей системы отношений, в которой единичному объекту соответствует определенная функция. Общефилософские соображения подкрепляются примерами из логики юридического познания.

Ключевые слова: наука, объект, предмет, теория познания, онтология, теоретическая юриспруденция, философия права.

Abstract: the article is devoted to one of the most general aspects of science, exactly, to critical research into the correlation between subject and object of science. The author try to prove that semiotical looking on the subject of science as symbolic copy of object must be refused, because this relative point of view has nothing to do with based epistemological principles. The author propose as alternative version ontological concept of subject that connect real system of correlations with a function as givenness for object. The scientific juridicial examples corroborated all philosophical implications.

Key words: science, object, subject, theory of knowledge, ontology, theoretical jurisprudence, philosophy of law.

Обращение к философско-методологической по своей природе проблеме соотношения объекта и предмета науки стало для автора актуальным в связи с решением некоторых эпистемологических задач, касающихся генезиса теоретико-правового знания [1]. Изложение данных проблем заставляет задаться вопросом о степени общности их решения, о возможности получения из них общефилософских выводов. Попытка подобного рода философствования (как и всякий проект) не завершена, открыта к изменениям и дополнениям. Автор будет считать ее состоявшейся, если указанные проблемы трансформируются посредством их решения в новые философские проблемы более высокого порядка.

Охарактеризуем (в критической форме) современное различие объекта и предмета науки. Соглашаясь с тем, что «принцип объективности познания вырастает из потребности общества в научном методе преодоления предметной и субъективной относительности изучаемых и преоб-

разумных вещей в составе абсолютной истины» [2, с. 10], полагаем, что игнорировать факт принадлежности каждого объекта познания к классу явлений, чье существование в качестве дискретных, ограниченных образований (фрагментов) производно от континуума мыследеятельности (практики), невозможно. Поясним данный тезис.

Предпосылкой всякого отношения (в том числе познавательного) является онтологическое единство мира. Не будь мир единым, когнитивный (практический, перформативный, игровой и пр.) акт был бы невозможен в той мере, в какой нельзя было бы удостовериться в правдоподобии хотя бы одного атрибутивного суждения. С другой стороны, научное познание предполагает естественное расслоение сущего на субъект и объективную реальность, и это еще не свидетельствует об окончательной противоречивости познания, не дает и агностических аргументов. Важно помнить о двойственном аспекте единства мира – изначально он един лишь в негативном смысле (Гегель подтверждает этот факт тезисом о бессодержательности бытия как исходной точки движения духа), и только целеполагающая (а значит, и *целополагающая!*), социокультурно обусловленная деятельность впервые формирует подлинное единство мира, неиллюзорную связь материи и духа, человека и природы. Субъект есть такая же органическая часть указанной деятельности, как и объект, – одно без другого не может обнаруживать себя вовне. Мышление, отражающее (и систематически переделывающее в дальнейшем) единую и бесконечную действительность, организовано по тем же самым законам, что и отражаемая действительность. Следовательно, мышление также представляет собой наряду с единством еще и структуру или, как пишет А. Ф. Лосев, «единораздельную целостность» [3, с. 84].

Очевидно, поскольку формы мышления производны от практической деятельности, они в конечном счете возвращаются к ней, достигая максимальной степени реализации, овеществляясь. На их пути происходит объективация логической структуры – полагание в мир объектов, их гипостазирование – имманентный признак активности сознания. В таком случае не будет ошибкой определять объект науки как пункт останова действительности в ее непрерывном самопознании. Всяческие 6 детализации этой формулировки (описывающие, например, объект в виде конечной материальной формы), смысловые коннотации, уточнения, касающиеся неединственности определения объекта, сейчас нами не рассматриваются. Важно понять одно: необходимость объекта в процессе познания нисколько не влечет аналогичной необходимости предмета науки. Другими словами, содержание понятия «объект отношения» настолько богато, что никакой очевидной реальной потребности в категории предмета обнаружить нельзя; и если оставаться на привычных позициях понимания предмета науки, то для самой науки будет нужна не разработка данного понятия, а его скорейшая элиминация из понятийного аппарата гносеологии. Вывод удивителен тем, что само словосочетание «объект и предмет познания» является более чем устойчивым – оно

сигнализирует о рефлексивном моменте, о методологическом средстве, включаемом в структуру теории.

В чем же состоит причина столь сурового вывода о случайности и бесполезности понятия предмета в познании? Исключительно в том, каким образом эта категория раскрывается в современной методологии. Сразу же оговоримся: по нашему мнению, предметность как характеристика объективной реальности не может быть без потерь исключена из философии и методологии науки. Но намеренно заостренная нами проблема этим признанием не снимается. Дело заключается только лишь в том своеобразном понимании предмета науки, которое сегодня стало тривиальным и превратилось из акта серьезной философской рефлексии в дань традиции. О последнем красноречиво свидетельствует повсеместно распространенное в диссертационных работах различение предмета и объекта исследования, воспроизводящее в своей логике некое фундаментальное, с нашей точки зрения, заблуждение. Принято полагать, что в процессе изучения реально существующего объекта его отдельные свойства (и те отношения, в которых эти свойства выражают себя явно) замещаются знаками, складывающимися в некоторую систему, чья семиотическая сложность прямо пропорциональна степени изученности объекта. Символический заместитель объекта, внешне базирующийся на принципе параллелизма реального и виртуального, в конечном счете трактуется как предмет науки. Форма выражения предмета здесь – изначально логическая (понятия, суждения, умозаключения). Именно с этим логико-символическим образованием исследователь-методолог должен в дальнейшем работать, обращаться с ним *как с объектом*.

На первый взгляд, представленная концепция не вызывает существенных возражений, поскольку любой простой когнитивный акт действительно способствует строительству символической модели реальности. Следовательно, почему бы не обобщить данный прием и не распространить его на науку как таковую, а также на любую ее область? В каком-то отношении это удобно: создается иерархия предметов, вся объективная действительность оказывается заключенной в эту «сеть» моделей. Однако приводимая позиция далеко не идеальна, особенно в том, что касается статуса предмета как знаковой модели. Представляется, что незаконность подобного обобщения может быть показана следующими тезисами:

Во-первых, понятийная форма существования предмета науки позволяет отождествлять его с теорией, ведь, в сущности, нет никакой разницы между понятием и результатом его развития, который не может не быть приравненным к теории [4]. Понятие является основной структурной единицей предмета науки. В таком случае возникает вопрос: существует ли смысл дублирования одного и того же логического целого? Не проще ли сказать, что наука изучает в качестве предмета саму себя и прекратить дискуссии на эту тему? Правда, сам вопрос – как при статичности объекта сохранить преемственность знания – останется неразрешенным. Едва ли ясно, что именно побуждает ученых к перегруппировке предмета: одно дело, когда открываются новые свойства привычных объектов,

а совсем другое – когда осуществляется различная эмпирическая интерпретация одного и того же экспериментального результата.

Во-вторых, поскольку источником развития всегда является противоречие внутри некоторого целого, а знаковая модель объекта, будучи основана на законах классической логики, лишена противоречий, возникает ряд известных трудностей в сфере эмпирической интерпретации теории (с незначительными поправками сказанное здесь можно применять далеко за пределами естествознания, не обманываясь по поводу избранной терминологии, не замещая последней реальных структур знания и не исчерпывая их). Противоречие не просто должно войти в структуру науки, оно может и обязано породить интервалы, на которых не функционирует классический дедуктивизм. В случае с моделью-заместителем знания такого ценного шага вперед в познании нового не происходит: теория сохраняет в качестве допустимых широкий спектр интерпретаций, выбор которых остается делом произвольным. В результате логика возникновения нового остается за пределами исследовательского интереса, а поиск реальных противоречий сводится в лучшем случае к ничего не значащим констатациям «с одной стороны...», «с другой стороны...». Происходит не что иное, как редуцирование онтологического аспекта противоречия к несовершенству концептуального аппарата теории, что создает иллюзию конечности познавательного движения, разрешимости затруднений посредством усовершенствования математического аппарата и т.п.

В-третьих, привычная трактовка предмета науки не вполне согласуется с общей логикой развития рационального познания. Последнее приобретает новое качество отнюдь не в связи с комбинацией элементов, полученных в процессе отражения, как бы ни было велико их число. По непонятной причине это соображение методологами науки не принимается всерьез. Весьма иллюстративно пишет, например, В. И. Кириллов: «Взаимодействие «субъект – объект» ставит проблему многокачественности (точнее – многосторонности) объекта в гносеологическом аспекте. В зависимости от субъекта – его целей, интересов и т.д. – выделяются разные стороны объекта и на этой основе формируется предмет познания. Изучая один и тот же объект, например, человеческое общество, разные науки выделяют его разные свойства... В соответствии с этим общественные науки различаются своими предметами, они имеют, таким образом, качественно разные предметы исследования» [5, с. 62]. В целом, здесь верно подчеркнута зависимость содержания научного познания от интересов субъекта (при условии конкретно-исторического подхода к самому субъекту). В остальном приведенная (и типичная!) позиция не выдерживает критики. Пусть мы согласимся с идеей неисчерпаемости внешнего мира, здесь проблем нет, ибо о том свидетельствует простая интуиция. Однако наличие бесконечного множества свойств у объективной реальности означает, что число их возможных комбинаций также неисчислимо. Поскольку семиотическая модель объекта не содержит внутренних пределов, ограничивающих производство конкретных

моделей, то, следовательно, число возможных предметов и научных дисциплин становится огромным, в перспективе – бесконечным. Бесспорно, феномен междисциплинарности с помощью релятивистской концепции предмета науки объяснить еще можно. Но как вписать в эту парадигму фундаментальную тенденцию научного знания к единству? Как перейти от заявленного и оправданного плюрализма к единой онтологии? Ответа на эти вопросы нет.

Конечно, можно сказать, что существуют некие внешние ограничения для пролиферации («размножения», к тому же бесконтрольного) идей и в качестве таковых назвать практику. Однако для согласования с практикой вполне достаточно одной эмпирической интерпретации, а не множества. Кстати сказать, современное состояние исследуемой нами теории права более чем однозначно свидетельствует в пользу данного утверждения. Приведенные ниже примеры не означают обязательного сосредоточения эпистемологии на проблемах юриспруденции: представляется, что в том или ином виде эти затруднения неизбежно присутствуют во всякой дисциплине (постараемся объяснить их универсальность далее).

Исторически складывалось так, что момент внутринаучной рефлексии в юриспруденции практически отсутствовал, будучи органической принадлежностью так называемой «философии права» (термин хотя и устоявшийся в употреблении, но условный в контексте настоящей работы: у права нет и не может быть имманентных ему философских аспектов или проблем, последние конституируются познавательным отношением субъекта к правовой действительности и проходят длительный путь эволюции). Полагание границ теории права осуществлялось всегда извне, поэтому и критерии применялись внешние, более чем сомнительные. К примеру, известный дореволюционный правовед Н. Н. Алексеев, сопоставляя философию права и теорию права, признавал за ними функцию выработки систематических, обобщающих понятий. Потребность в такой функции понятна – отдельные юридические дисциплины стремились к обобщению внутри своей структуры; выходило так, что понятий права становилось множество, и все они были примерно равноценны. Поиски единого и целостного смысла права велись двумя путями – философией права из царства идей, теорией права – от эмпирического материала [6, с. 25–26].

Отсюда видно, как далеко ушла эпистемология от столь наивного «распределения обязанностей»! Конечно, никто не отменял потребности в обобщении знания, но при сохранении единства объекта, как бы мы его в данном случае ни понимали (широко или слишком узко), неопределенность соотношения науки и философии приводит к удваиванию предмета, к тому, что по поводу одного и того же объекта имеются два предмета познания. Точно такие же недостатки сохраняются за всяким рассуждением, формально противопоставляющим правовой науке философию права. Если в ходе этого противопоставления не приходит понимание того простого факта, что философия права есть отдельный момент развития правовой теории, а не обособленная дисциплина, судьба дальнейших на-

уковедческих выводов остается плачевной: никто до настоящего времени не предложил единого решения обозначенной проблемы из-за того, что сама проблема совершенно ошибочно формулировалась (нами выявлены модели соотношения теории и философии права, чье многообразие и совместное существование лишь подтверждают слабость методологического сознания правоведов). В действительности философия права есть некий момент, эволюционная ступень развития юридической науки, на которой (ступени) в силу противоречия, разрыва между потребностью в методологической рефлексии и дефицитом средств осуществления последней возникает иллюзия псевдоавтономности некоего предмета, из которого выводится новая дисциплинарная структура и т.д. (Надо сказать, что подобное гипостазирование предметности происходило в разные времена в разных дискурсах – философия физики, биологии, географии – все эти наименования нам знакомы, но кто дал нам полномочия подразумевать за ними нечто большее, чем номинацию, сигнификацию определенного круга проблем, пусть и имеющих мировоззренческий характер?) Практический результат подобного рода гипостазирования чрезвычайно разнообразен и интересен: он ждет еще своего систематического описания. Философия права, будучи самостоятельным этапом в развитии правовой науки, составляет с ней в определенном отношении противоположные сущности, следовательно, налицо гносеологическое противоречие, которое может быть снято только новационным путем (о характере и пределах новации будет сказано ниже).

Многовековое отсутствие рефлексивных механизмов привело к неординарным последствиям: подавляющее большинство ученых, «ничтоже сумняся, ничтоже стыдяся», уверовали в чудодейственную силу марксизма-ленинизма, в его способность построить (sic!) принципиально иную юриспруденцию. Как писал А.И. Денисов, «межотраслевые методы и специфические методы, находящиеся на вооружении теории государства и права, суть средства, обеспечивающие наиболее разумное применение диалектического метода к специфике предмета теории государства и права. Вот почему теория государства и права является монистической наукой не только в смысле материалистического решения основного гносеологического вопроса... но и в смысле своего метода» [7, с. 5]. Казалось бы, вот вам предмет, вот вам диалектика – стройте науку! Но жизнь внесла свои коррективы и остудила пыл новоявленных конструкторов. Если бы уважаемые правоведы составили себе труд не на словах, а на деле ознакомиться с основными принципами философии (в том числе с теми, которые касаются развития), они поняли бы, что простое дописывание к категориям даже очень красивых предикатов ничего еще не решает в научном плане. Воистину сон разума рождает чудовищ! Применительно к юриспруденции появились страшные химеры – правовая диалектика, правовая метафизика, правовое мышление, единство и борьба противоположностей в праве (!) и многие другие интересные артефакты, рассматриваемые почему-то как последнее достижение мысли. Отдельные ученые строили свою академическую карьеру исключительно на переписи

сывании учебников по диалектическому и историческому материализму на юридический манер (без особого волнения дописывая, например, к словам «соотношение общего, особенного и единичного» – «в праве», полагая тем самым вопрос решенным, а для эмпирического подтверждения можно было выбрать что угодно – ведь никто не проверит). Отказ от разработки содержания философии права был непоследовательным – шаг вперед, два назад, но, в конце концов, все же было решено: и философию права реабилитировать, и методологию сохранить в виде отдельной дисциплины. В XXI в. юристы вдруг поняли, что десятки лет не развивали свою собственную отрасль знания. По мнению К. В. Шундикова, «...обоснование системного характера позитивного права – актуальная научная проблема» [8, с. 24]. Однако этой проблемы, по сути, нет. (Достаточно внимательно изучить действующее законодательство – вот где системные связи лежат на поверхности!) Создается впечатление, что правоведам снова хочется, чтобы им предложили готовый (на сей раз абсолютно новенький, «неклассический») инструмент, а они *применили бы* его к своему предмету. Таким видится «поднятие» юриспруденции «с колен» теми людьми, благодаря которым (и благодаря их учителям, конечно) теория права как никакая другая наука испытывала сильнейшую стагнацию и регрессировала. Поскольку дальнейшая критика здесь бессмысленна и отрывает от дела, вернемся к эпистемологии, предварительно отметив, что вопрос о месте философского знания в структуре теории при правильном понимании соотношения объекта и предмета теории вообще не может возникнуть.

Как уже было сказано, объект есть место самопересечения объективной реальности, точка встречи ее относительно активной и относительно пассивной сторон. Поскольку научное исследование идет методом восхождения от абстрактного к конкретному (от живого созерцания через абстракции к практике), следует обратить внимание на вторичность объекта в интенциональной структуре субъекта. Сознание последнего всегда имеет в виду целое впереди и ранее частей. И как только эта встреча субъекта и объекта состоялась, первичное целое распалось. Строго говоря, введение единичного объекта и тем более его знаковой модели дробит мир на множество атомов, претендующих на объектный статус (добавим: моделирование не останавливает процесс дробления, а лишь заключает его в изящную форму – это можно, ради удовольствия, назвать закономерностями объекта познания, что, однако, не добавит полезности). Логика здесь проста: единичный акт познания «вычерпывает» из мира неразложимый (в условном смысле) объект, некую вещь. То же самое происходит и в результате множества других актов, осуществляемых иными субъектами. Получается нечто вроде многомировой интерпретации квантовой механики (Эверетт), согласно которой каждая фиксация параметров элементарной частицы порождает как бы раздвоение Вселенной (в первом «универсуме» остается частица с определенными параметрами, во втором – сохраняется неопределенность). Думается, особо серьезных оснований для принятия подобного рода точек зрения не существует.

Но в таком случае субъект вынужден продолжать процесс гипостазирования, дабы вписать объект в рамки интуитивно воспринятого (схваченного в живом созерцании) целого. Сущность отдельно взятой вещи невозможна, в своей отдельности может быть взята только феномен. Сущностью вещи в первом приближении можно считать, оставаясь на позициях признания единства и вечного саморазвития мира, вовсе не внутреннее содержание объекта, каким бы сложным оно ни было. Сущность отдельной вещи локализована не в самой вещи, она строго дистанцирована (если здесь уместны метафоры пространственного порядка) и представляет собой функцию данной вещи в сложной системе ее связей со всем миром [9]. Вещь действительно связана со всей реальностью в ее сложности и многообразии форм: объект представляет собой нечто особенное, другими словами – единство всеобщего (субстанции) и единичного (конечной формы). Поэтому исследователь может сколько угодно анализировать вещь, мысленно или экспериментально делить ее до предела физических возможностей или не делать этого вовсе. Например, как разделить на части объект нематериальный и неделимый? В сущности, даже процедура синтеза, если последний понимать узко (как простое восстановление расчлененной структуры), не спасает дело. Вот тогда и появляется та символическая предметность, которой, как нам представляется, приписывают невыполнимые функции. Для лучшей иллюстрации того, что такое по своему содержанию есть кризис предметности теории, прибегнем к юридическому материалу.

В разное время специалисты признавали объектом правовой науки различные феномены. Некоторые из них даже не подходили под это наименование: к примеру, как можно рассматривать в качестве объекта теории права «непосредственное бытие права», не указывая на способы опосредования его бытия [10, с. 47]? Не вдаваясь в подробности, отметим весьма любопытное воззрение на объект теории права – его все время старались тотализировать, представить единым, всеобъемлющим (опять-таки некая химера вроде «правовой материи»), придать если не онтологический статус, то хотя бы атрибуты субстанции... Кроме того, объекты такого порядка, как «правовая действительность» или нечто подобное, все же не могут быть всерьез рассмотрены: объект должен иметь не только внутреннюю структурированность, но еще и непосредственно наблюдаемые пределы. Кто же заранее, до движения мысли в логике понятий, сможет установить границы права как компонента общественной жизни? Если такая операция и возможна в принципе, то ее следует решительно относить к идеологии, а не к науке.

Проведенный нами анализ показал, что в определении природы объекта правовой теории допускались и продолжают допускаться явные ошибки различной степени «тяжести» – здесь и прямое игнорирование исторического пути юриспруденции, и желание выдать за науку некие идеологические соображения (пусть и полезные для современного Российского государства), и элементарное непонимание основных законов формальной логики и теории познания. Полагаем, что уже одно иссле-

дование всех ошибок и заблуждений, сделанных учеными-юристами в проблемном поле метатеоретической рефлексии, сослужило бы науке громадную пользу.

Согласно нашей позиции, *элементарным объектом теории права может быть только правовой (юридический) текст*. Во-первых, потому, что только он отвечает всем признакам объекта науки. Во-вторых, правовой текст существует (и логически, и исторически) до понятия о праве и независимо от него, т.е. является автономным по отношению к правосознанию. В-третьих, правовой текст является исходным объектом юридической интерпретации, а последняя лежит в основе методологии юриспруденции. Следовательно, правовой текст не может быть ничем иным, кроме как объектом правовой науки. Он является эмпирически наблюдаемым феноменом, содержит в себе все особенности правовой формы общественных отношений и бесспорно указывает на те признаки права, которые могут быть положены в основу последующего теоретического анализа.

Данное утверждение сталкивается с рядом трудностей и – если судить на первый взгляд – может быть оспорено по следующим основаниям: во-первых, атрибут «правовой», вероятнее всего, указывает на то, что у нас есть представление о праве как таковом, в противном случае мы были бы лишены возможности наделять текст именно таким свойством. Во-вторых, никаких представлений о тексте правовая теория фактически не содержит и не разрабатывает, что наводит на мысль о произвольности выбора именно текста в качестве объекта. Но возражения эти только кажутся серьезными. Свойство правового текста оказывать влияние на поведение людей существует абсолютно автономно по отношению к пониманию права, хотя бы и интуитивному. Люди исполняют право, не понимая его сущности. Сам механизм правового регулирования не предполагает для своего осуществления понятия права; текст является здесь не первым по времени выражением правовой сущности, а некой границей правовой сферы жизни общества. Только пройдя ряд необходимых процедур (легитимация публичной власти, составление проекта закона, его принятие соответствующими органами государственной власти, его опубликование в определенных средствах массовой информации), текст становится правовым, причем все, что предшествует его созданию, правом не является (например, в суде можно ссылаться на текст закона, но не на законопроект). Только текст является источником права, а все иные юридические феномены сгруппированы вокруг него тем или иным образом.

Что касается возражения о неписанности категории правового текста в систему теории права, то необходимо иметь в виду подвижность и изменчивость любой науки, в том числе и правовой. Система знания, будучи производной по отношению к реальности, претерпевает постоянные изменения, и то, что еще вчера не входило в круг ее интересов, сегодня может стать одним из актуальнейших вопросов. Понятие текста имеет все шансы на внимание со стороны юриспруденции. Не следует игнорировать также историю вопроса: советский период развития правовой науки

был таков, что первая часть его прошла под знаком выработки единого понимания права (право трактовалось как воля господствующего класса), а вторая – была посвящена преодолению односторонности и искаженных трактовок выработанного понятия. Господствующая в гуманитарном познании парадигма не позволяла советской теории права ввести текст в систему научных категорий. Сейчас, как нам представляется, положение дел изменилось.

Анализ свойств правового текста не может быть механически отделен от воспроизведения в логике понятий научной предметности, конституированной как развертывание исходных онтологических гипотез, выдвинутых относительно объекта науки. Важно отметить следующее: системно организованная целостность, называемая в эпистемологии предметом научного познания, не относится к объекту науки как его отражение, поскольку содержит в себе множество признаков, невыводимых из объекта в силу того, что последний их просто не содержит.

Субъекту правовой действительности в реальной жизни (потребности которой и приводят к познанию юридических текстов) противостоит вовсе не объект исследования, не текст, а иной субъект познания и деятельности, имеющий собственные интересы, допускающие опосредование правовыми нормами. Другими словами, существование в правовом поле для субъекта есть цепь бесчисленных взаимодействий и столкновений с точно такими же субъектами, а значит – с интерпретациями правовых норм, не тождественными его собственному пониманию, но равноценными ему. Объект здесь предельно пассивен: вся познавательно-практическая деятельность, характерная для нормативного поля, протекает вокруг указанного нами субъект-субъектного взаимодействия и не влияет на сущность объекта. Иначе говоря, каков бы ни был юридический текст, во-первых, его можно интерпретировать несколькими способами; во-вторых, по отношению к каждой исходной интерпретации заинтересованный субъект может предложить альтернативную интерпретацию данного текста (не менее обоснованную и содержательную).

Все это говорит о том, что свойства правовой формы регулирования социальных отношений (материальным выражением которой выступает юридический текст) создаются в системе взаимодействия субъектов, стоящих перед необходимостью упорядочивания (а значит, и упрощения) данного взаимодействия. В силу этого право в истории приобретает только такие свойства, которые позволяют ему быть все более и более рациональным. Невозможно вообразить, чтобы человек сознательно и без особой нужды шел на усложнение своего социального бытия; все, что делают люди в процессе выработки тех или иных норм, направлено, во-первых, на уменьшение неопределенности в структурах социального взаимодействия; во-вторых, на упрощение самой ситуации межличностного контакта (за которым, напомним, стоят конфликты интересов – первичный фактор и конфликты интерпретаций – вторичный фактор).

Из сказанного ясно, что объект является для правовой действительности не реальным основанием ее существования, не субстратом (или суб-

станцией) ее бытия, а всего лишь той пассивно-страдательной формой, в которой совершенно «угасает» и снимается всякая активность субъектов по развертыванию собственного видения тех или иных элементов нормативного поля сквозь призму личных интересов и потребностей. То есть только пассивное состояние правового текста обеспечивает его объективность по отношению к человеческому сознанию.

Вместе с тем не нужно забывать то обстоятельство, что, хотя сам объект юридического познания заключает в себе отношение всеобщего (правовая действительность) и единичного (спектр потенциальных интерпретаций), данное отношение невозможно извлечь из самого объекта никоим образом: оно в нем ликвидируется в том смысле, что правовой текст, будучи чаще всего непосредственным или опосредованным результатом консенсуса субъектов, оказывается в итоге внеположенным пространству этих коммуникаций в правовом поле – они лишь с высокой долей условности могут быть «вычитаны» из его содержания. Таким образом, предмет правовой науки являет собой то коммуникативно-сконструированное пространство, в котором объекту науки (правовому тексту) положена весьма определенная функция, суть которой – в ограничении потенциально бесконечных вероятностных направлений взаимодействия субъектов правовой действительности путем установления некоего нормативного «фильтра», критерия, параметра правовой нормы.

Сам по себе текст пассивен не только потому, что оставляет за интерпретатором высокую степень свободы относительно манипуляций со своим содержанием. Текст права призван лишь расставить некие «опорные точки» в реальности, наметить ее юридические контуры, но не более того. Текст как феномен вторичный (производный от рефлексии, осуществляемой в процессе легитимации права) не заменяет собой среды циркуляции правовых смыслов. Вот в этой-то широкой системе, где функционирует текст, им приобретаются все необходимые свойства, все юридические атрибуты, здесь он становится объектом.

Предмет науки о праве – феномен иного порядка. Следует отметить, что в нем в отличие от объекта почти не бывает ничего раз и навсегда устойчивого, статичного и «спокойного»: противоречия общественного бытия человека в нем не только не сняты, но, напротив, обозначены предельно остро. Предмет правовой науки вообще есть подвижное, исторически изменчивое, внутренне противоречивое, развивающееся в соответствии с собственными закономерностями системное образование, выступающее итогом как исторической эволюции правосознания в целом, так и процесса логического совершенствования (рационализации) правового дискурса. Целесообразно определять предмет правовой науки как развернутое понятие правовой действительности, так и саму эту действительность, понятую и познанную в качестве рационально организованного аспекта социального бытия человека.

Каковы же общеправовые следствия из вышесказанного? Во-первых, на конкретном материале мы подтвердили наш первый общий тезис о равной степени реальности и способа существования объекта и пред-

мета науки. Здесь принципиально именно уравнивание онтологического статуса двух явлений – это опровергает распространенное релятивистски-семиотическое воззрение на предмет.

Во-вторых, мы показали, какова истинная причина кризиса предметности всякой теории, – она состоит в том, что дисциплину, основанную на едином объекте и располагающую несколькими предметами, ученые не понимают, не рассматривают в качестве разных стадий эволюции одной и той же теории. Причем мы полагаем, что факт данности этих разных стадий в одно и то же время неважен для целей определения предмета. Безосновательный плюрализм, выражающийся в том, что исследователи в описанной ситуации предполагают равную возможность бытия двух и более дисциплин, в конечном итоге обесмысливает кумулятивную модель развития науки и превозносит идею парадигмальности, не замечая ее естественных ограничений (иррациональность процесса смены парадигм и др.).

В-третьих, из проделанных рассуждений следует, что возникновение «философских» вопросов в структуре научного знания есть не что иное, как свидетельство пересечения множества дисциплинарных предметностей, – таков генезис не только методологической, но и аксиологической тематики науки. Наука, пребывающая в состоянии последовательного восхождения к предельным структурам мысли, не только может, но и должна кардинально менять собственный предмет, переходить на новый уровень анализа и синтеза, жертвуя при этом в том числе и устоявшейся идентичностью. Противодействия со стороны дисциплины объективному прогрессу знания есть регресс в отдельно взятой области объективной действительности, следовательно, дискредитация рациональности как принципа отношения субъекта к объекту. Это в свою очередь чревато развитием (обострением) нигилистического начала в общественной практике и кризисом социального развития.

В-четвертых, имея изначально отношение субъекта к объекту как такую структуру, в которой активное начало объективно существующей действительности обращается к началу пассивному, видим, что ситуация кардинально изменяется в момент перехода к предмету науки. Поскольку предмет воплощает единство и борьбу противоположностей, взятые со стороны отдельного (объекта), функционирующего в целостной системе, изменяется онтологический статус вещи. По верному замечанию Н. Б. Шулевского, «система не есть нечто внешнее и чуждое вещи, а представляет собой способ реализации ее сущности, но уже посредством «замкнутых» отношений к самой себе. Система есть продукт субстанциального элемента вещи, который развертывает ее содержание и закрепляет его в виде определенного соотношения ее частей... Зависимость вещи от системы есть опосредованная зависимость вещи от своей субстанции» [2]. Предмет как система обладает столь высокой степенью тотальности, что субъект противостоит ему уже как пассивный элемент активному, будучи вовлечен в ту противоречивую стихию всеобщего развития, субстанцию которой он (субъект) узрел в некой целостности. Однако такое положение

дел для субъекта не характерно и фактически уничтожает весь его потенциал. Сопротивление субъекта, усиливающее его претензии в силу наличия механизма накопления социальной памяти, факторов прошлого, ищет любой допустимый выход и находит его в резком переходе от одного единства к другому, включающему в себя первое. Следовательно, в дальнейшем наука должна совершить новый гигантский скачок, в результате которого то, что было предметом ранее, войдет в ее структуру в форме объекта в виде единства, раздельность которого «принесена в жертву» его целостности. Соответственно для дальнейшего развития человеческого знания очевидным будет поиск и конституирование новой предметности и так *ad infinitum*... Любопытно было бы проследить (реконструировать) историю отдельных наук и выяснить, в какой из них сколько было таких резких поворотов и какими средствами конституировались их результаты. Это, конечно, междисциплинарные вопросы – историко-методологические по сути, но весьма интересные.

В ходе наших рассуждений стало очевидным, что вопрос о статусе категорий объекта и предмета любой научной дисциплины состоит из следующих взаимосвязанных проблем:

- 1) онтологической референции данных категорий;
- 2) действительности данных категорий в многообразных дискурсах науки;
- 3) выявления и описания взаимосвязи данных категорий.

Очевидно, что нерелятивистский, онтологический взгляд на предмет науки требует от исследователей отыскивать для каждого объекта то целое, ту систему, в которой объект впервые обретает сущность. К сожалению, данный поиск (как необходимый и очевидный момент восхождения от абстрактного к конкретному) крайне сложен, ведь он основан на эвристических началах, на необходимости поиска новой логики, логики творчества, отказавшейся от слепого дедуктивизма. Ведь простота внешнего ограничения теории по факту оказывается лишь примитивизмом. Другое дело, что между объектом и предметом науки в конкретный момент ее истории оказывается некоторое непостоянное число промежуточных звеньев, выяснение характеристик которых должно опираться на природу той реальности, изучением которой занимается данная наука. Таким образом, задача обеспечения единства онтологии и теории познания вновь представляется актуальной, в настоящей работе мы лишь придали ей иную, нетривиальную форму. Поспособствует ли это движению науки вперед, покажет время.

Литература

1. Беляев М. А. Научное познание права : генезис и эпистемологическая специфика : автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. А. Беляев. – Воронеж, 2009.
2. Шулевский Н. Б. Принцип объективности познания : предметное содержание и логические функции / Н. Б. Шулевский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985.

3. Лосев А. Ф. Дерзание духа / А. Ф. Лосев. – М. : Политиздат, 1988.
4. Арсеньев А. С. Анализ развивающегося понятия / А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров. – М. : Наука, 1967.
5. Кириллов В. И. Логика познания сущности / В. И. Кириллов. – М. : Высшая школа, 1980.
6. Алексеев Н. Н. Общее учение о праве : курс лекций / Н. Н. Алексеев. – Симферополь, 1919.
7. Денисов А. И. Методологические проблемы теории государства и права / А. И. Денисов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975.
8. Шундигов К. В. Юридические явления в свете концепции самоорганизации / К. В. Шундигов // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 3.
9. Науменко Л. К. Монизм как принцип диалектической логики / Л. К. Науменко. – Алма-Ата, 1968.
10. Шабалин В. А. Методологические вопросы правоведения / В. А. Шабалин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972.

Воронежский государственный университет

Беляев М. А., кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: yurist84@inbox.ru

Тел.: 8-904-212-72-98

Voronezh State University

Belyaev M. A., Candidate of Philosophy, Teacher Department of Ontology and Theory of Knowledge

E-mail: yurist84@inbox.ru

Tel.: 8-904-212-72-98